Во время моего первого штурма было в общей сложности восемь машин (не считая двух сгоревших оболочек, о которых мои люди уже позаботились), примерно по четыре человека на каждую машину. Я раздавил одну во время моего прибытия, использовал вторую, чтобы полностью расплющить третью, и только что поджег еще две.

После этого одна машина осталась позади меня, а две образовали баррикаду против полиции и различных ведомств на другом конце колонны.

Я уже мог различить трех человек, торопливо садящихся в одну из этих машин (другая, казалось, была неработоспособна из-за того, что ее щедро осыпали выстрелами до такой степени, что все шины были спущены), очевидно, желая рискнуть с полицией, а не со мной.

- НЕТ! Я не могу позволить этим гребаным уродам уйти! Они сгорят за это!

С сердитым рычанием я бросаюсь к машине позади меня, хватая парня, который не успел достаточно быстро уйти из моей досягаемости, за голову. Не сбавляя шага, даже когда я чувствую, как огонь оружия врезается в мое тело, я поднимаю дурака над головой, игнорируя его крики боли, когда я сжигаю его лицо, прежде чем ударить его в землю с достаточной силой, чтобы создать кратер.

Его крики немедленно обрываются.

Последняя машина в колонне стояла боком на улице, образуя импровизированную защиту от горстки полицейских на перекрестке всего в нескольких десятках футов, со стороны водителя ко мне.

Один из нападавших прыгает в открытую дверь, отчаянно поворачивая ключ в замке зажигания, но двигатель продолжает глохнуть. У него остается достаточно времени, прежде чем я подхожу к нему для еще двух отчаянных попыток, прежде чем он поворачивается, чтобы посмотреть на меня со слезами, стекающими по его лицу.

Мне кажется, что я вижу, как его губы формируют слова "пожалуйста", но я не утруждаю себя вниманием, чтобы действительно заботиться, вместо этого просто втягиваю голову, когда наклоняю плечо вперед, прямо перед тем, как врезаться в машину, рама прогибается вокруг моего тела, когда я хватаю ее достаточно сильно, чтобы произвести громовой удар.

Моя инерция настолько велика, что машину отбрасывает назад на десять футов, почти полностью опрокидывая, водительская сторона теперь практически не существует, не более чем тлеющая развалина, как будто она была просто Т-образной костью горящего грузовика.

В каком-то смысле так оно и было.

Действуя до того, как машина снова рухнет вниз, я делаю шаг вперед, упираясь руками в ее

подбрюшье, прежде чем сделать еще один рывок, и поднимаю всю эту штуку над головой.

Издавая рев, который можно услышать на другом конце колонны (моя атака заняла всего три секунды, а это значит, что они все еще пытались сесть в машину), он настолько ужасен, что останавливает все движение там, поскольку я вижу, как отморозки в страхе поворачиваются в мою сторону.

Набрав немного инерции, я делаю короткий рывок вперед, прежде чем рвануть изо всех сил, бросая машину в моих руках прямо над остальной колонной. Головорезам едва хватает времени, чтобы убраться с дороги, прежде чем моя импровизированная ракета врезается в их машину для бегства, неся ее почти всю дорогу туда, где полиция Нью-Йорка скрывается в огромном ливне искр и вое измученного металла, все они смотрят на меня в явном шоке.

Удовлетворенный крик говорит мне, что по крайней мере один из смертных не был достаточно быстр, чтобы уйти с пути моей атаки, потеряв ногу и потеряв огромное количество крови из ужасной раны. Он уже мертв, если ему немедленно не окажут медицинскую помощь.

Я не сидел сложа руки во время предыдущей атаки, стреляя в одного из оставшихся нападавших (они начали примерно с тридцати, теперь их осталось меньше половины), ударяя его в грудь так сильно, что он кажется размытым пятном, когда врезается в здание на противоположной стороне улицы.

Рванувшись к еще двум мешкам с мясом, я делаю размашистый удар ногой по одному, почти отделяя его туловище от ног, когда его труп летит вниз по улице, в то время как я разрезаю еще один почти пополам, нагревая свою руку, пока она не становится ослепительно раскаленной добела, пар и пламя поднимаются от нее волнами.

Я приближаюсь к другому человеку, мои пылающие руки высоко над головой в перегретом двойном ударе молота, базовая линия подо мной съеживается от страха, когда он смотрит на меня полными слез глазами-

- Съешь это урод!"

-перед тем как взрывная волна врезается мне в лицо, дергая его в сторону резким движением огромной силы. Этот удар отличается от других.

Я действительно почувствовал это.

Повернув голову в ту сторону, откуда раздался внезапный взрыв, чувствуя, как еще один удар в грудь с силой, достаточной, чтобы заставить меня отступить на полшага, я замечаю крепкого мужчину с тем, что можно считать только пушкой в руках.

- Парень, который убил Уилла. Это тот парень, который убил Уилла! Я СОЖГУ ЕГО ДОТЛА!

Асфальт плавится и прогибается под моими ногами, когда я бегу к нему, перепрыгивая через горящие останки одной из их машин одним плавным движением, но массивный взрыв врезается мне в грудь, и из-за того, что я нахожусь в воздухе (то есть мне не за что ухватиться), он толкает меня в обломки машины.

Я немедленно пытаюсь встать, но получаю еще один пушечный выстрел в лицо, и из-за отсутствия чего-либо стабильного, чтобы поддержать себя (сгоревшая рама машины, я полулежу в пряжках каждый раз, когда пытаюсь приложить к ней какое-то усилие) Меня снова толкают назад.

Затем непрерывный поток ударов идет с моей левой стороны (один из оставшихся парней поднимает тяжелую винтовку, насколько я могу судить краем глаза), но когда я поворачиваюсь к нему с рычанием, еще один выстрел канона поражает меня, заставляя отступить, быстро за ним следует второй, а затем третий.

Еще два потока огня присоединяются к первому, и хотя они не причиняют мне слишком большого вреда, у них достаточно силы, чтобы ограничить мои движения, особенно потому, что каждый раз, когда кажется, что я собираюсь заставить себя встать, канонический выстрел врезается мне в лицо или в одно из колен.

Я все еще почти невредим, если не считать звона в ушах и некоторых пятен в глазах из-за повторяющихся канонических выстрелов в лицо (ублюдок тоже неуклонно приближался, делая каждый выстрел более мощным, чем предыдущий), но, похоже, я прижат к земле под натиском их тяжелого оружия.

Сама мысль о том, что эти фрикадельки способны удержать кого-то вроде меня, как будто они больше меня, только разозлила меня еще больше, и когда еще один канонический выстрел врезается мне в колено, заставляя его прогнуться подо мной, в то же время два потока выстрелов концентрируются на моем правом глазу, превращая его в кашу, с меня хватит.

Рев, который я издаю, достаточно громкий, чтобы заставить ближайшего ко мне парня бросить тяжелую винтовку и зажать уши руками, так как жар, исходящий от моего тела, настолько велик, что я стою в том, что кажется небольшой лужицей лавы, асфальт давно расплавился, сгоревшие остатки автокатастрофы позади и подо мной превращаются в пылающий кусок горящего металла.

Воздух становится невыносимо горячим, заставляя нападавших отступить на несколько футов, несмотря на осторожное расстояние, которое они держали до сих пор. В этот момент не только мои руки раскаляются добела, но и все мое тело, заставляя их щуриться, когда они отводят взгляд от ослепительного света, который я испускаю.

К несчастью для них, это также означает, что они прекратили стрелять.

В тот момент, когда двое смертных справа от меня осознали этот факт, они уже мертвы, мои пылающие руки вспахивают их грудь, мое горящее тело оставляет яркий след и расплавленный

асфальт в моем кильватере.

http://tl.rulate.ru/book/49515/1289103